



Съ кого Пушкинъ списалъ Зарѣцкаго?

Бсть особый типъ людей, бывшій очень распространеннымъ въ прежнемъ русскомъ обществѣ—типъ „ёры-забіяки“, враля, хвастуна и лихого малаго. Герценъ ¹⁾, который хорошо зналъ такихъ людей, набросалъ краткую художественную характеристику этого типа. Онъ „часто встрѣчается между польскими панами и особенно между отставными корнетами, живущими въ деревнѣ; къ нимъ принадлежалъ „собутыльникъ“ Дениса Давыдова Бурцовъ, Гагаринъ—Адамова головка ²⁾ и секунданта Ленскаго Зарѣцкій... Это люди храбрые, опрометчивые до дерзости, до безразсудства и очень недалние. Они всю жизнь живутъ воспоминаніемъ двухъ-трехъ случаевъ, въ которыхъ они прошли сквозь огонь и воду, кому-нибудь обрубилъ уши, простояли подъ градомъ пуль. Случается, что они сперва наклеплютъ на себя отважный поступокъ, а потомъ дѣйствительно его сдѣлаютъ, чтобыподтвердить свои слова. Они смутно понимаютъ, что этотъ задоръ ихъ сила, единственный интересъ, которымъ они могутъ похвастаться; а хвастаться имъ хочется смертельно. При этомъ они часто хорошіе товарищи, особенно въ веселой бесѣдѣ, и до первой размолвки за своихъ стоятъ грудью; и вообще имѣютъ больше военной отваги, чѣмъ гражданской доблести“. Вульгаризованныя и измельчавшія черты этого типа мы

¹⁾ А. И. Герценъ, „Сочиненія“, т. III, Спб., 1905 г., стр. 399.

²⁾ „Князь Гагаринъ, прозванный Адамовой головой, храбрець, выигравшій въ 1812 г. у офицеровъ пари, что доставитъ Наполеону два фунта чаю! И доставилъ: и только по благосклонности Наполеона благополучно возвратился въ русскій лагерь“ („Русск. Стар.“ 1880 г., декабрь, 992).

находимъ въ безсмертномъ гоголевскомъ Ноздревѣ. „Такихъ людей“—рассказываетъ Гоголь—, „приходилось всякому встрѣчать немало. Они называются разбитными малыми, слывуть еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое... Дружбу заведутъ, кажется, навѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный“... Ноздревъ „имѣлъ, подобно всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много передержекъ и другихъ тонкостей“... Ноздрева ловили съ поличнымъ, колотили, „задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ“,—„и, что всего страннѣе, что можетъ только на одной Руси случиться, онъ чрезъ нѣсколько времени встрѣчался опять съ тѣми же пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался, какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего“. „Горе отъ ума“ знакомить насъ съ Загорѣцкимъ, котораго „ругаютъ вездѣ, и всюду принимаютъ“... Московскій мужъ Платонъ Михайловичъ рекомендуетъ его Чацкому въ такихъ выраженіяхъ:

Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ—
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переносить гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ!

Не лучше отзывается о немъ старуха Хлестова:

Лгунишка онъ, картежникъ, воръ,
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковѣ
Двоихъ арапченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говорить,—чай въ карты сплutowалъ...

Узнавъ отъ одного изъ гостей Фамусова пущенный. Софьей слухъ о сумасшествіи Чацкаго, Загорѣцкій пуше всѣхъ старается раззвонить эту новость среди гостей. Въ Молчалинѣ Чацкій усматриваетъ нѣкоторыя черты Загорѣцкаго („въ немъ Загорѣцкій не умирать“). Къ этой же галлерей принадлежатъ Тургеневскіе „Бреттеръ“ и герой „Трехъ портретовъ“.

Въ шестой главѣ „Евгенія Онѣгина“ на сцену выступаетъ новое лицо—секундантъ Ленскаго—Зарѣцкій, яркая, интересная фигура. Зарѣцкій носитъ въ себѣ не только общія, типическія черты, но,

судя по отдѣльнымъ, частнымъ подробностямъ, еще личныя. Образъ Зарѣцкаго—несомнѣнный портретъ...

Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
 Деревни Ленскаго, живетъ
 И здравствуетъ еще донинѣ
 Въ философической пустынѣ
 Зарѣцкій, нѣкогда *буянь*,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повсѣхъ, трибунъ трактирный,
 Теперь же добрый и простой
 Отецъ семейства холостой,
 Надежный другъ, помѣщикъ мирный
 И даже *честный человекъ*:
 Такъ исправляется нашъ вѣкъ!
 Бывало, льстивый голосъ свѣта
 Въ немъ *злую храбрость* выхвалялъ:
 Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
 Въ пяти саженьяхъ попадалъ,
 И то сказать, что и въ сраженьи
 Разъ въ настоящемъ упоеньи
 Онъ отличился, смѣло въ грязь
 Съ коня Калмыцкаго сваясь,
 Какъ зюзя пьяный, и Французамъ
 Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
 Новѣйшій Регуль, чести богъ,
 Готовый вновь предаться узамъ,
 Чтобъ каждымъ утромъ у Вери
 Въ долгъ осушать бутылки три.
 Бывало, онъ трунилъ забавно,
 Умѣлъ морочить дурака
 Иль умнаго дурачить славно,
 Иль явно, иль исподтишка,
 Хотя и *ему инья штуки*
Не проходили безъ науки,
 Хотя иногда и самъ въ просакъ
 Онъ попадался какъ простаекъ.
 Умѣлъ онъ весело поспорить,
 Остро и тупо отвѣчать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,
 Друзей поссорить молодыхъ
 И на барьеръ поставить ихъ,

Иль помириться ихъ заставить,
 Дабы позавтракать втроемъ,
 И послѣ только обезславить
Веселой шуткою, враньемъ,
 Sed alia tempora! Удалость
 (Какъ сонъ любви, другая шалость)
 Проходить съ юностью живой.
 Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
 Подъ сѣнь черемухъ и акацій
 Отъ бурь укрывшись наконецъ,
 Живетъ какъ истинный мудрецъ,
 Капусту садитъ какъ Горацій,
 Разводитъ утокъ и гусей
 И учитъ азбукѣ дѣтей.
Онъ былъ не муть; и мой Евгенийъ,
 Не уважая сердца въ немъ,
 Любилъ и духъ его суждений,
 И *здравый толкъ* о томъ, о семь...

Зарѣцкій передаетъ Онѣгину вызовъ Ленскаго. Онѣгину не хочется драться съ юношей, онъ во многомъ винить самого себя, онъ колеблется, но Зарѣцкій уже везетъ Ленскому извѣстіе, что вызовъ принять, а разъ въ дѣло вмѣшался Зарѣцкій,—дуэль неизбежна...

„...Теперь

Ужъ поздно; время улетѣло...
 Къ тому жъ—онъ мыслить—въ это дѣло
 Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золь, онъ сплетникъ, онъ рѣчиствъ...
 Конечно: быть должно презрѣнне
 Цѣной его забавныхъ словъ;
 Но шопоть, хохотня глушцовъ“...
 И вотъ общественное мнѣнье!

Къ послѣдному стиху Пушкинъ сдѣлалъ примѣчаніе: „Стихъ Грибоѣдова“. Не только нѣкоторыя черты (шуллерство, сплетничанье, коварство) общія у Загорѣцкаго и Зарѣцкаго:—схожи самыя фамиліи героевъ Пушкина и Грибоѣдова. „Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый,—вотъ черты истинно-комическаго гения“,—писалъ Пушкинъ А. А. Бестужеву, познакомившись съ „Горемъ отъ ума“.

Портретъ Зарѣцкаго приводитъ на память рѣзкіе отзывы Пушкина о графѣ Θεод. Иван. Толстомъ, извѣстномъ подъ прозвищемъ

„Американца“. Въ 1820 г. Пушкинъ писалъ, что „долго всѣ концы вселенной осквернялъ развратомъ онъ“, а потомъ исправился—„и теперь онъ, слава Богу, только что картежный воръ“. Въ 1821 г. въ посланіи къ Чаадаеву ¹⁾ Пушкинъ повторилъ свой отзывъ почти дословно.

Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
 Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
 Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
 Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
 Или философа, который въ прежни лѣта
 Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
 Но, просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
 Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?..

18 октября 1822 г. Пушкинъ писалъ брату, укоряя его, что тотъ показалъ одно письмо его Плетневу: „вся моя ссора съ Толстымъ происходитъ отъ нескромности К. Шаховского“. М. Н. Лонгиновъ предполагалъ, что, „вѣроятно, первая эпиграмма Пушкина дошла до графа Толстого черезъ нескромность князя А. А. Шаховского“ ²⁾.

А. Н. Вульфъ рассказывалъ М. И. Семевскому ³⁾, что „Пушкинъ готовился одно время стрѣляться съ извѣстнымъ, такъ называемымъ американцемъ Толстымъ. Гдѣ-то въ Москвѣ ⁴⁾ Пушкинъ встрѣтился съ Толстымъ за карточнымъ столомъ. Была игра. Толстой передернулъ, Пушкинъ замѣтилъ ему это. „Да я самъ это знаю, отвѣчалъ ему Толстой, но не люблю, чтобъ мнѣ это замѣчали“. Вслѣдствіе этого Пушкинъ намѣревался стрѣляться съ Толстымъ и, готовясь къ этой дуэли, упражнялся въ стрѣльбѣ“.

Въ „Сынѣ Отечества“ 1821 г., № 35, гдѣ появилось посланіе къ Чаадаеву, было напечатано: „глупца-философа“. Поэтъ писалъ Н. И. Гречу 21 сентября 1821 г.: „зачѣмъ глупецъ? стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда“. Въ томъ же посланіи Пушкинъ задѣлъ своего литературнаго противника—М. Т. Каченовскаго—„не изъ ненависти къ нему“—признавался поэтъ въ письмѣ къ Вяземскому 2 января 1822 г.,—„но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду

¹⁾ У Чаадаева съ Толстымъ встрѣчался въ 30—40-хъ годахъ А. И. Герценъ (Сочин. Герцена, т. II. Спб., 1905 г., стр. 405).

²⁾ „Русск. Архивъ“ 1866 г., ст. 1752.

³⁾ „С.-Петербургск. Вѣдомости“ 1866 г., № 139—„Прогулка въ Тригорское. Л. Н. Майковъ“, „Пушкинъ“, Спб., 1899 г., стр. 222.

⁴⁾ Если рассказъ и вѣренъ, то это не могло случиться въ Москвѣ, гдѣ Пушкинъ не бывалъ почти съ дѣтства.

Американца Толстого, котораго презирать мудренѣе“. Эпиграфомъ къ „Кавказскому Пльннику“ Пушкинъ хотѣлъ было взять стихи изъ посланія князя П. А. Вяземскаго къ Толстому: „подъ бурей рока—твердый камень, въ волненьяхъ страсти—легкій листъ“, но отъ этого эпиграфа Пушкинъ отказался, хотя онъ ему очень понравился: „понимаешь почему не оставилъ его“, писалъ онъ Вяземскому 14 октября 1823 г.; очевидно, поэтъ боялся подать читателямъ поводъ къ сравненію и сопоставленію популярнаго Американца съ плѣнникомъ, а Толстому—къ какому-нибудь новому вранью и хвастовству. Вяземскому очень не понравились стихи о Толстомъ въ посланіи къ Чаадаеву, и, готовя сборникъ своихъ стихотвореній, Пушкинъ, по совѣту друга, исключилъ эти стихи изъ посланія: „вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились“,—писалъ онъ Вяземскому въ серединѣ апрѣля 1825 г.—„единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ ¹⁾, а не потому, что они другимъ не по нутру“. Брату, которой вмѣстѣ съ Плетневымъ хлопоталъ по изданію, Пушкинъ писалъ: „о посланіи къ Ч. скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣгина, если его пасквиль этого стоитъ, и посему попроси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго (непремѣнно)“. (Эта эпиграмма-пасквиль намъ неизвѣстна).

Тогда же, въ Михайловскомъ, Пушкинъ готовился къ дуэли съ Толстымъ и упражнялся въ стрѣльбѣ въ цѣль. „Даль свободнаго романа“, своего „Онѣгина“, Пушкинъ тогда „еще неясно различал“, и въ четвертую главу „Онѣгина“ Толстой не попалъ. По возвращеніи поэта въ 1826 г. въ Москву дуэль едва не состоялась, но противниковъ помирили общіе пріятели ²⁾, и бывшіе враги подружились. Не трудно предположить, что исходъ дуэли былъ бы для

¹⁾ Вяземскій былъ очень друженъ съ Толстымъ и въ стихахъ своихъ и въ разсказахъ объ Американцѣ выказалъ глубокую симпатію къ нему. (Сочин. Вяземскаго III, 161—163; VIII, 58—60). Оба они были когда-то „пробочниками“, „кавалерами пробки“. Къ числу „пробочниковъ“ принадлежали Денисъ Давидовъ, Василій Пушкинъ, Батюшковъ. Въ одной застольной пѣснѣ „кавалеры пробки“ такъ величали Толстого („Историч. Вѣстникъ“ 1903 г., апрѣль, 210—211):

А вотъ и нашъ американецъ.
Въ день славный подъ Бородинымъ
Ты храбро несъ солдатскій ранецъ
И щеголялъ штыкомъ своимъ:
На память дня того Георгій
Украсилъ боевую грудь...

²⁾ „Русск. Арх.“ 1865 г., 2-ое изд., ст. 1240, 1351.

Пушкина печальный. Родственница Толстого М. Θ. Каменская ¹⁾ рассказываетъ, что „убитыхъ имъ онъ самъ насчитывалъ одиннадцать человекъ и онъ, какъ Иоаннъ Грозный, акуратно записывалъ имена ихъ въ свой синодикъ“. „Страсть его была дуэли! Но онъ былъ опасный соперникъ, потому что стрѣлялъ превосходно изъ пистолета и рубился мастерски на сабляхъ“, передаетъ Θ. В. Булгаринъ ²⁾. Участвуя въ войнѣ 12-го года, рассказываетъ И. П. Липранди ³⁾, Толстой „сберегался для отчаянныхъ предприятий“. Но, несмотря на сближеніе съ Толстымъ, который былъ въ 1829 г. даже сватомъ поэта, въ шестой главѣ „Онѣгина“, обработанной въ 1827 г., Пушкинъ отвелъ ему обѣщанное мѣсто. Зарѣцкій,—конечно, Толстой; поэтъ описалъ его безъ злобы и раздраженія, отчего типъ Зарѣцкаго только выигралъ съ художественной стороны. (Л. Н. Майковъ ⁴⁾ обратилъ вниманіе на сходство Зарѣцкаго съ Толстымъ). Впрочемъ, Пушкинъ не могъ удержаться, чтобы не кольнуть Зарѣцкаго-Толстого. Зарѣцкій спрашиваетъ Онѣгина, гдѣ его секундантъ.

Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любилъ методу онъ изъ чувства,
И человекъ растянуть
Онъ позволялъ—не какъ-нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства,
По всѣмъ преданьямъ старины
(Что похвалить мы въ немъ должны).

Онѣгинъ представляетъ ему секунданта—своего лакея-француза Guillot, и ядовито замѣчаетъ:

„Я не предвижу возраженій
На представленіе мое:
Хоть человекъ онъ неизвѣстный,
Но ужъ конечно малый честный“.—
Зарѣцкій *губу закусилъ...*

Если Толстой и узналъ себя въ Зарѣцкомъ, то, конечно, виду не подалъ и тоже „губу закусилъ“: недаромъ вѣдь онъ умѣлъ „порой расчетливо смолчать“. До насъ дошла относящаяся къ концу двадцатыхъ годовъ записка къ Толстому князя П. А. Вяземскаго,

¹⁾ „Историч. Вѣстн“. 1894 г., іюль, стр. 44.

²⁾ „Воспоминанія“, т. V, стр. 203.

³⁾ „Замѣчанія на воспоминанія Вигеля“, М., 1873, стр. 7.

⁴⁾ „Пушкинъ“, Спб., 1899 г., стр. 303.

С. А. Соболевскаго, С. Д. Киселева и Пушкина, съ приглашеніемъ на пріятельскую пирушку“.

Грибоѣдовъ, который зналъ Толстого и о немъ говорить какъ о „ночномъ разбойникѣ, дуэлистѣ, крѣпко на руку нечистомъ“, но умномъ человѣкѣ, худшія черты его передалъ Загорѣцкому. Гораздо полнѣе характеризуетъ Вяземскій этого „американца и цыгана“,

Котораго, какъ лихорадка,
Мятежныхъ склонностей дурманъ
Или страстей кипящихъ схватка
Всегда изъ края мечетъ въ край,
Изъ рая—въ адъ, изъ ада—въ рай,
Котораго душа есть пламень,
А умъ—холодный эгоистъ;
Подъ бурей рока—твердый камень
Въ волненьи страсти—легкій листъ...

Ф. Ф. Вигель ¹⁾, познакомившись съ нимъ, остался подлѣ глубокимъ впечатлѣніемъ его ума. А. А. Стаховичъ въ своихъ „Клочкахъ воспоминаній“ ²⁾ говоритъ: „немногіе умные и даровитые люди провели такъ бурно, бесполезно, порой преступно жизнь, какъ провела ее Толстой, безспорно одинъ изъ самыхъ умныхъ современниковъ такихъ гигантовъ, какъ Пушкинъ и Грибоѣдовъ“. Даже изъ словъ враждебно настроеннаго противъ него Пушкина видно, что нашъ поэтъ цѣнилъ и признавалъ его умъ. Этотъ умъ, хорошее образованіе, храбрость, хладнокровіе, презрѣніе къ опасности, отвращеніе къ бюрократизму, которое любилъ выказывать Толстой, широкій, щедрый образъ жизни—всѣ эти черты, вмѣстѣ взятыя, давали недюжинную, непошлую, привлекательную личность. Толстой импонируетъ обществу сѣрыхъ, приниженныхъ людей своей вызывающей гордостью. Въ этой бурной, страстной душѣ тоже жилъ социальный протестъ, но едва-ли ясно сознававшійся его носителемъ и сказывавшійся въ уродливой формѣ грязныхъ скандаловъ и преступныхъ безобразій ³⁾.

Пушкинъ, лично задѣтый Толстымъ, былъ къ нему не совсѣмъ справедливъ. Вѣрно понялъ людѣй этого типа глубокій и пронизательный Герценъ ⁴⁾, тоже знавшій Толстого. „Удушливая пустота

¹⁾ „Записки“, М., 1892 г., II, 144.

²⁾ „Былое и думы“—Сочин., II, Спб., 1905 г., стр. 181.

³⁾ Цитир. по „Литер. Вѣстн.“, т. VII, 1904 г., кн. 2, стр. 43.

⁴⁾ О Толстомъ сохранилось довольно много свѣдѣній, среди которыхъ, впрочемъ, немало анекдотическихъ и недостоверныхъ. Краткій очеркъ посвятилъ ему В. И. Сайтовъ въ примѣчаніяхъ къ „Остафьевскому архиву кн. Вяземскихъ“ (I, 518—520).

и нѣмота русской жизни, страннымъ образомъ соединенная съ живостью и даже бурностью характера, особенно развиваетъ въ насъ всякія уродства. Въ пѣтушьемъ крикѣ Суворова... и буйныхъ преступленіяхъ Толстого-Американца я слышу родственную ноту, знакомую намъ всѣмъ, но которая у насъ ослаблена образованіемъ или направлена на что-нибудь другое... Онъ развилъ однѣ буйныя страсти, однѣ дурныя наклонности, и это неудивительно: всему порочному позволяютъ у насъ развиваться долгое время безпрепятственно, а за страсти человѣческія посылаютъ въ гарнизонъ или въ Сибирь при первомъ шагѣ“...

Н. Лернеръ.

